

Roger Zelazny

This Immortal

Роджер Желязны

ЭТОТ БЕССМЕРТ НЫЙ

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger Zelazny
THIS IMMORTAL

Copyright © Roger Zelazny 1966
Публикуется с разрешения наследников автора
и их литературных агентов, Zeno Agency Limited
(Великобритания) при участии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии и художественное оформление
Марии Коняевой

Желязны, Роджер.
Ж52 Этот бессмертный / Роджер Желязны ; [перевод с английского И. Куберского]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106408-2

Отравленная радиацией, истерзанная жестокими войнами, Земля покинута людьми ради новых миров. Немногие оставшиеся попали в античную эпоху — время богов и героев, жутких чудовищ и волшебных артефактов. Человечество, восставшее из Тьмы, возвратилось туда, где когда-то разгорались первые искры цивилизации.

Вернуть историю на круги своя способен теперь только Конрад Номикос — этот бессмертный...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Куберский, перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106408-2

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

Бену Джейсону

— Ты ведь калликанзарос, — неожиданно объявила она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои рога и копыта я оставил в конторе.

— Так ты знаешь, про кого я!

— Вообще-то я Номикос.

Я потянулся к ней и нашел ее.

— Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?

Я засмеялся и привлек ее к себе.

— Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...

— Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь, — сказала она, — а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...

— Вот и отлично!

Мне пришло в голову, что она лишь наполовину шутит.

Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих местах, начинаешь почти без труда верить в мифы — в разные там рассказы о похожих на Пана¹ лешаков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (Дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, цок-цок — копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.

— Ты делаешь мне больно, — сказал я полущутя-полусерьезно.

— А мне не больно?

— Прости.

Я снова расслабился. Помолчав, я объяснил:

— Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали «Константин Калликанзарос». Когда я подрос

¹ *Пан* — в греческой мифологии сын бога Гермеса; первоначально почитался как покровитель пастухов, бог стад; впоследствии (к II в. до н. э.) — как покровитель всей природы. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородой. — *Здесь и далее прим. пер.*

и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере в лицо...

— «Константин»? Твое имя? А я полагала...

— Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.

— Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя «Константин», чем «Конрад».

— Ну, если тебе приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана — здесь всегда такие.

— Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, — проворчал я.

— Калликанзарос мой, — откликнулась она слишком поспешно, — я этого не говорила. Но с каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Впрочем, у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь. Можешь изменить...

— Ошибаешься, Кассандра.

— А мне страшно и холодно...

Она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин — безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку.

Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем «Сол-Бус Девять», который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый — для нас это оставалось неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный — для меня открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей острова Кос, мы прожигали время в ожидании расплаты, которой могло и не быть и которой на самом деле вовсе и не следовало ожидать.

Волосы Кассандры — цвета олив Катамары и блестят. Руки у нее мягкие, пальцы короткие, с нежными перепонками. Глаза очень темные. Она ниже меня только на четыре дюйма, но это не мешает ей быть грациозной, а во мне как-никак шесть футов с лишком. Вообще-то рядом со мной любая женщина — сама грация, совершенство и привлекательность, поскольку ничего подобного во мне нет; левая моя щека была в ту пору вроде карты Африки, выполненной в пурпурных тонах, — и все из-за мутантного грибка, который я подцепил от заплесневевшего с задней стороны холста, когда в нью-йоркскую поездку откапывали Галерею Гугенхейма; мысок линии волос у меня всего на ширину пальца отступает от бровей, глаза разные. (Когда я хочу утратить человека, я впряжусь в него холодным голубым правым глазом, карий же служит для Взглядов Искренних и Честных.) Правый сапог у меня с утолщенной подошвой, поскольку сама нога короче.

Хотя для Кассандры в подобном контрасте нет нужды. Она прекрасна.

Я встретился с ней случайно, преследовал ее без удержу, женился на ней против желания. (Это была ее идея.) Сам я об этом действительно не думал — даже в тот день, когда пригнал свой хайк в бухту и увидел ее там ру-

салкой, нежащейся под солнцем близ плоской кроны дерева Гиппократы, и решил, что хочу быть с ней. Калликанзаросцы особой приверженностью к семье никогда не отличались. Я вроде как поскользнулся. В очередной раз.

Стояло ясное утро. Начало нашего третьего месяца вместе. Это был последний мой день на Косе, поскольку вчера вечером я получил вызов. Все еще было влажным после ночного дождя, и мы сидели в патио¹ — пили кофе по-турецки и ели апельсины. День понемногу нажимал на педали, въезжая в этот мир. Бриз дул влажно и прерывисто, покрывая нас гусиной кожей под черной тяжестью свитеров и срывая парок с края кофейных чашек.

— «Родос, перстами дарящий Аврору...» — произнесла она, вытягивая перед собой руку.

— Угу, — кивнул я, — действительно она, розовоперстая и славная.

— Давай полюбуемся.

— Угу. Прости.

Мы допили кофе и закурили.

— Чувствую себя поганю, — сказал я.

— Знаю, — ответила она. — Только зря ты так.

— Ничего не могу с собой поделать. Велено уезжать, покидать тебя — вот и поганю.

¹ *Патио* (исп.) — внутренний дворик.

— Может, всего на пару недель. Ты сам так говорил. И потом ты вернешься.

— Надеюсь, — сказал я. — Хотя, если это затянется, я пошлю за тобой. До сих пор неизвестно, где я буду.

— Кто этот Корт Миштиго?

— Деятель с Веги, журналист. Важная птица. Хочет написать о том, что от Земли осталось. Вот я и должен ему показать. Я. Лично. Черт его дери!

— Если тебе дают десятимесячный отпуск на плавание, то не жалуйся, что перетрудился.

— А я жалуюсь и буду жаловаться. Считается, что моя работа — это синекура.

— Почему?

— В основном потому, что я сам так поставил. Двадцать лет я вкалывал, чтобы сделать Искусства, Памятники и Архивы тем, что они есть теперь, а десять лет назад я довел это дело до того, что мои сотрудники прекрасно управляют и сами. Так что я позволяю себе пастись на лужайке и являться, когда хочу, чтобы подписать бумаги да заодно поделаться что-нибудь эдакое, для собственного удовольствия. И нá тебе — лизать чей-то сапог! Чтобы сам Комиссар ехал вместе с веганским писателем, когда его мог бы сопровождать любой мой сотрудник. Не боги же они, веганцы!